

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Москва)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМАНТОВ АККУЗАТИВА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Членение удмуртских диалектов не совсем ясно, поскольку они еще недостаточно изучены. Важной задачей удмуртской диалектологии представляется выяснение основных явлений, дифференцирующих современные удмуртские диалекты, или говоры.¹ Отдельные языковые явления той или иной территории еще не дают права на выделение языковой разновидности в особый говор, однако с учетом комплекса наиболее характерных особенностей они могут послужить основанием для отделения одного диалекта от другого. Если мы возьмем один какой-либо признак системы гласных или согласных для определения ареалов, диалектов, то по другим, быть может, даже сходным признакам границы языковых явлений окажутся иными.²

При классификации говоров нельзя руководствоваться одной какой-нибудь чертой, а следует выявить сумму характерных черт, которые могут служить четким классификационным признаком диалектов. Удмуртская диалектология пока что не располагает такими материалами. Для пробного изучения лингвистической географии удмуртов в работе берется формант винительного падежа существительных и некоторых местоимений множественного числа. Известно, что данная грамматическая категория в одних диалектах выступает в виде *-ti* (*-di*), в других — *-iz*. Эти суффиксы имеют свою историю.

Суффикс *-ti* винительного падежа множественного числа в удмуртском языке сохраняется с древних времен. В коми и коми-пермяцком языках в общем он исчез, но имеется в удорском говоре, ср. *nyzđö* 'деревья', *oşijzđö* 'медведей'³, *tšejzđe* 'разные кушанья, явства'.⁴ Элемент *t* в удмуртском окончании винительного падежа множественного числа *-ti* А. И. Емельянов возводит к суффиксу множественного

¹ Применительно к современному удмуртскому языку понятие «диалект» употребляется для обозначения как более крупной диалектной единицы (наречия), так и более мелкой (говора).

² По признаку количества гласных фонем удмуртские диалекты делятся на пять типов; см. В. К. Кельмаков, Опыт классификации удмуртских диалектов по составу гласных. — Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2—5 октября 1973 г.), Москва 1973, стр. 15.

³ В. А. Сорвачева, Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка. — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар 1961, стр. 465.

⁴ D. Fokos, Zürjén szövegek, Budapest 1916, стр. 186.

числа *-*t* прафинно-угорского языка.⁵ *t*-овый показатель множественного числа выявляется и в других языках, например, фин. *talot* 'дома' (от *talo* 'дом'), морд. *кудот* 'дома' (от *кудо* 'дом'), манс. *алат* 'крышки' (от *ала* 'крышка'), хант. *воит* 'звери' (от *вой* 'зверь') и т. д.⁶ К мнению А. И. Емельянова присоединяется Б. А. Серебренников, который считает, что в период замещения форманта множественного числа другим (на *-jas, -jos*) в пермских языках формы винительного падежа с суффиксом *-t* не исчезли, а законсервировались, поскольку напоминали близкие по звучанию притяжательные формы.⁷ Суффикс *-t* как показатель удмуртского винительного падежа множественного числа Б. А. Серебренников связывает с одним из праязыковых формантов собирательного значения.⁸

Удмуртский суффикс винительного падежа множественного числа *-iz* имеет общее развитие с коми суффиксом *-is*. Конечный *-z* (< *-*s*) связывают с лично-притяжательным суффиксом 3-го лица *-iz* (~ *-is*), который ведет свое начало от указательного местоимения 3-го лица финно-угорского языка-основы. Таким образом, маркировка винительного падежа множественного числа в удмуртском языке пошла двумя путями: в одних говорах установилась *t*-овая (~ *d*-овая) разновидность (от прафинно-угорского языка), в других — *-s* (~ *-z*)-овая.

В современном удмуртском языке формы винительного падежа на *-ti* (~ *-tə*) и *-di* (~ *-də*), а также *-iz* (-*əs*) встречаются в системах существительных и местоимений. Рассмотрим их.

Форманты аккузатива существительных

Винительный падеж существительных множественного числа в одних диалектах имеет формант *-ti* (~ *-tə*), в других *-iz*. Формы с *-ti* встречаются в якшур-бодьинском говоре, вариант *-tə* — в глазовском и бесермянском, ср. бес. *leže vañze suañšijostî korka* 'пустите всех участников свадьбы в избу'.⁹ По данным удмуртской диалектологии самых последних лет формант *-ti* распространен в северном (чепецком) наречии повсеместно. Он встречается также в переходных (т. е. промежуточных между северным и южным наречиями) говорах на территории средних (центральных) районов Удмуртии (средневосточных, верхнеижско-нылгинских, среднезападных, т. е. кильмезских, увинских и средневалнинских). В указанном ареале доминируют формы: *valjostî* 'лошадей' (от *valjos* 'лошади'), *kalikjostî* 'людей', *korkaostî* 'дома', *kionjostî* 'волков', *kečjostî* 'зайцев', *kolhozjostî* 'колхозы' и т. д. Суффикс *-ti* (орф. *-ты*) широко употребляется в литературном языке. Вариант *-tə* известен в бесермянском и глазовском говорах северного наречия: *valjostə* (~ *vallostə*), *kalekjostə*, *korkaostə*, *kejoñnostə*, *kešjostə*, *kolhozjostə*.

Употребление формы аккузатива с *-iz* отмечается в елабужском, малмыжско-уржумском говорах, а варианта *-əz* (по Д. Фуксу, *-iz*) —

⁵ А. И. Емельянов, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград 1927, стр. 127.

⁶ Правда, некоторые исследователи сомневаются в наличии *t*-ового множественного числа в финно-угорском языке-основе. См., например, Gy. Décsy. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden 1965, стр. 179.

⁷ Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 42.

⁸ Б. А. Серебренников, К проблеме происхождения суффиксов многократного действия в финно-угорских языках. — СФУ II 1966, стр. 159.

⁹ D. R. Fuchs, Grammatikalischer abriß. — Y. Wichmann, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Helsinki 1954, стр. 141.

в бесермянском: бес. *betšejosiz no radñaosiz no matešiosiz* 'соседи, родственники и ближние'.¹⁰ В литературе показатель *-iz* отмечается также в мамадышском, елабужском, самарском, уфимско-бирском (закамских) диалектах.

Данные последних лет расширили наши знания об употреблении *-iz*. Он распространен в южном (камско-вятском) наречии (а именно — среднеижских, кыркмасских, тойминских, верхневалинских, умякских, логинско-пажманских, а также в закамских буйско-таныпских, или среднетаныпских, говорах). В перечисленной группе диалектов встречаются формы: *valjosiz* 'лошадей' (от *valjos* 'лошади'), *kñigajosiz* 'книги', *šaskašjosiz* 'цветы', *gurežjosiz* 'горы', *kışnojosiz* 'женщин', *ada-mijosiz* ~ *ädämijosiz* 'людей' и др.

Удмуртские формы на *-iz* (орф. *-ыз*) употребляются и в литературном языке, в основном в языке писателей — носителей южных говоров.

С огласовкой *ө* (*-өз*) этот суффикс встречается в нижнеижских (варзинских), завятских (кукморском, шошминском), закамских (верхнетаныпском, или иначе, татышлинском, ташкичинском) и прикском (бавлинском) говорах.

В литературном языке параллельно употребляются формы с *-ыз* и с *-ты*.¹¹ Однако, по наблюдениям А. А. Поздеевой¹², литературный язык постепенно избавляется от грамматической тавтологии. Она приводит примеры из школьных учебников: 1) *Предложениясын пöртэм знакъёсыз пуктылон правилоосты дышетэ пунктуация* 'Правила расстановки различных знаков в предложении определяет пунктуация'; 2) *Пöртэм предметъёсыз нимась кылъёсты шонер гожъян шую* 'Слова, именующие разные предметы, называют существительными' (букв. 'разных предметов именующие слова существительные называют'); 3) *Кыче разделёсын дышетиды кылъёсыз шонер гожъян правилоосты?* 'В каких разделах вы изучали правила написания слов?'

В этих предложениях существительные *знакъёс|ыз, правилоос|ты* (1), *предметъёс|ыз, кылъёс|ты* (2), *кылъёс|ыз, правилоос|ты* (3) имеют форму винительного падежа множественного числа с *-ыз* и *-ты*. Сочетания *знакъёс|ыз пуктылон* 'расстановка знаков' (1), *предметъёс|ыз нимась* 'предметы именующие' (2), *кылъёс|ыз шонер гожъян* 'правописание слов' (3) являются именными словосочетаниями; *правилоосты дышетэ* 'правила определяет' (1), *кылъёс|ты ... шую* 'слова ... называют' (2), *правилоос|ты дышетиды* 'изучали (вы) правила' (3) — глагольными сочетаниями. Таким образом, если в одном предложении прямой объект выражается дважды, то в зависимости от сочетания слова с именем или глаголом во избежание повторения одинаковых форм литературный язык стремится варьировать в употреблении их: прямой объект, выраженный винительным падежом, в именных словосочетаниях оформляется с суффиксом *-ыз* (*-iz*), в глагольных словосочетаниях — *-ты* (*-ti*). Такое стилистическое использование форм на *-ты* и на *-ыз* существительных множественного числа постепенно приводит к разграничению параллельного употребления их в одном предложении и приближает к грамматической дифференциации.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ср. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 93.

¹² Свои соображения по этому поводу А. А. Поздеева любезно прислала нам в письменном виде, за что мы выражаем ей свою искреннюю признательность.

Форманты аккузатива местоимений

Употребление *t*- и *s*-овых¹³ формантов винительного падежа множественного числа свойственно личным (собственно-личным), определительным (лично-определительным и обобщенно-определительным), указательным, взаимно-личным, вопросительно-относительным, неопределенным и отрицательным удмуртским местоимениям множественного числа. Исключение составляют притяжательные местоимения и отдельные местоимения некоторых других разрядов. Рассмотрим две группы местоимений.

I. Личные местоимения множественного числа 1-го и 2-го лица в одних диалектах имеют формант *-di*, в других *-iz*, а личное местоимение 3-го лица — *-ti* и *-iz*.

Согласно Д. Р. Фокошу-Фуксу, суффикс *-di* (*-dy*) местоимений множественного числа 1-го и 2-го лица в аккузативе выступает в якшур-бодьинском говоре: *milemdy* 'нас', *tileddy* 'вас'. Данная форма аккузатива множественного числа на *-di* свойственна и итинскому (тыловайскому) говору *milemdi* — для 1-го лица, *tileddi* — для 2-го лица. Для 3-го лица местоимений характерен формант *-ti*. В материалах Д. Р. Фокоша-Фукса в виде *-tu* он отмечен в якшур-бодьинском говоре: *soosty* 'их', вариант *-tə* (у Д. Фукса *tī* в глазовском и бесермянском говорах: глаз. *soostī, soiostī, sojostī*, бес. *soostī*, стр. 148). В известных нам итинском, верхнечепецком и нижнечепецком диалектах выступает *-ti*. В той же форме распространен он в переходных говорах (см. карту).

Суффиксы 1-го и 2-го лица личных местоимений множественного числа *-ды* и 3-го лица *-ты* употребляются в художественной литературе и периодической печати. Примеры: 1) *Нош кин-о тонэ милемды выбылыны косэ? Дядяед-а, нэнзед-а?* (П. Блинов, Улэм потэ, Ижевск 1967, стр. 34) 'А кто же тебя заставляет в нас стрелять? Отец твой, или мать твоя?'; 2) *Ми тиледды райисполкомлы председателе дасялом* (Т. Архипов, Лудзи шур дурын, Ижевск 1957, стр. 9) 'Мы вас будем готовить в председатели райисполкома'; 3) *Кык но трос артем сяькаосын убоос лымыен согемын. Али соостты туж чакласа возёно, шыртёс но комактёс изъянтыны медаз шедьтэ* («Советская Удмуртия» от 19 января 1974 г.) 'Грядки двухлетних и многолетних цветов покрыты снегом. Сейчас за ними надо следить (букв. их очень внимательно наблюдая держать), чтобы не повредили мыши и хомяки'.

Употребление форманта *-iz* фиксируется в елабужском и малмыжско-уржумском диалектах: *milemiz* — 1-е л., *tilediz* — 2-е л. С окончанием *-iz* личные местоимения множественного числа в винительном падеже в диалектологических работах отмечены также в приикских (Sam), закамских (UB), завятских (M) говорах.¹⁴ Нам известно, что форму личных местоимений множественного числа на *-iz* используют южные говоры. В последних произносят: *milemiz* 'нас', *tilediz* 'вас', *soosiz* 'их'. Эти формы встречаются в литературном языке: 1) *Лесник милемыз чыжин бичаны куриз* («Дась лу» от 17 января 1974 г.) 'Лесник попро-

¹³ Как известно, глухие согласные первоначально, поэтому для краткости можно называть *t*-овые и *s*-овые форманты и *t*-овые и *s*-овые говоры. Звонкий вариант в удмуртских аффиксах обычно появляется после гласных, а также после сонорных и звонких согласных в результате прогрессивной ассимиляции.

¹⁴ Д. Р. Fuchs, указ. раб., стр. 148

сил нас собрать еловых шишек'; 2) *Государство тӱледыз дышетӱз, колхозниктӱс но партия оскизы* (С. Самсонов, Яратӱсько тонэ, Ижевск 1965, стр. 9) 'Государство обучало вас, колхозники и партия надеялись'; 3) *Соосыз нокин ӱз пумита* (Г. Красильников, Тӱлсяска, Ижевск 1962, стр. 167) 'Их никто не встретил'; 4) *Учкисьтӱс соосыз кужмо кичапконтӱсын пумитало* (там же) 'Зрители их встречают бурными аплодисментами'.

Вариант *-ӱз* суффикса *-iz* зафиксирован в казанском говоре (*milemӱz* 'нас', *tiledӱz* 'вас'), вариант *-es* — в бесермянском и малмыжско-уржумском (*milemez* 'нас') и глазовском (*milemesti*).¹⁵ Заметим, что указанная форма в глазовском говоре появилась под влиянием форм лично-определятельных местоимений: *ačimestӱ* 'нас самих', *ačidestӱ* 'вас самих', *ačizestӱ* 'их самих'. Эти формы бытуют и в настоящее время. Формы *milemesti*, *tiledesti* характерны для большинства северных говоров удмуртского языка (бесермянские и глазовские формы употребляются с *о*-овой огласовкой).

Переходным говорам, в частности, средневосточным и итинским, свойственны формы на *-diš*: *milemdiš* 'нас', *tileddiš* 'вас'. Формант *-diš* возник в результате контаминации двух разных суффиксов: *-di* (< *ti* — северных говоров и *-iz* (< *-is*) — южных говоров. В литературном языке данный суффикс не принят.

Аналогичного сращения суффиксов, характеризующих разные (южно- и северноудмуртскую) группы говоров, в системе существительных не наблюдается. Нет такого явления и в форме 3-го лица рассматриваемых местоимений. (Распространение форм с *-diš* см. на карте).

II. Лично-определятельные местоимения множественного числа 1-го и 2-го лица имеют суффикс *-di*. Он часто служит также для обозначения винительного падежа множественного числа 3-го лица. Другой формант — *-iz* — может выступать во всех трех лицах.

Окончание винительного падежа *-di* (орф. *-ды*) в литературном языке широко употребляется для обозначения всех лиц множественного числа. Примеры: 1) *Шайтантӱс асьмеды олокызы но сураны турттозы, — шуэ Дыдыксин* (Молот 1973, № 8, стр. 51) 'Всеякими путями черти будут стараться разлучить нас — говорит Дыдыксин'; 2) *Асьтӱды умой возе* («Дась лу» от 19 января 1974 г.) 'Сами себя (вы) держите прилично (т. е. будьте примерными)'; 3) *Асьсӱды но гуртысь лыктӱм муртӱс шуо* (П. Блинов, Улэм потӱ, Ижевск 1967, стр. 42) 'И сами себя они называют сельскими парнями'.

Формант *-ды* в этих предложениях присоединяется к специфической основе *асьме-*, *асьтӱ-*, *асьсӱ-*, образованной на удмуртской почве и отличающейся от основ других пермских языков. Кроме указанных, в удмуртских диалектах распространены иные формы: *ačmemiz* 'нас', *ačtädiž* 'вас', также довольно широко известные, и *ašmemiz* — 1-е лицо, *aštediž* — 2-е лицо, *ašsediz* — 3-е лицо: *ašmesӱz* ~ *ačmäsež*, *aštesӱz* ~ *ačtäsež*, *ašsesӱz* ~ *ačsesеž*.¹⁶

Формы *асьме|мыз* (1-е лицо), *асьтӱ|дыз* (2-е лицо) встречаются и в литературном языке. Примеры: 1) *Табере асьмемыз нокыче кужым но уз люкы ни* (Т. Архипов, Лудзи шур дурын, Ижевск 1957, стр. 18) 'Теперь никакая сила нас не разлучит'. 2) *Тӱ асьтӱдыз кыче инженер*

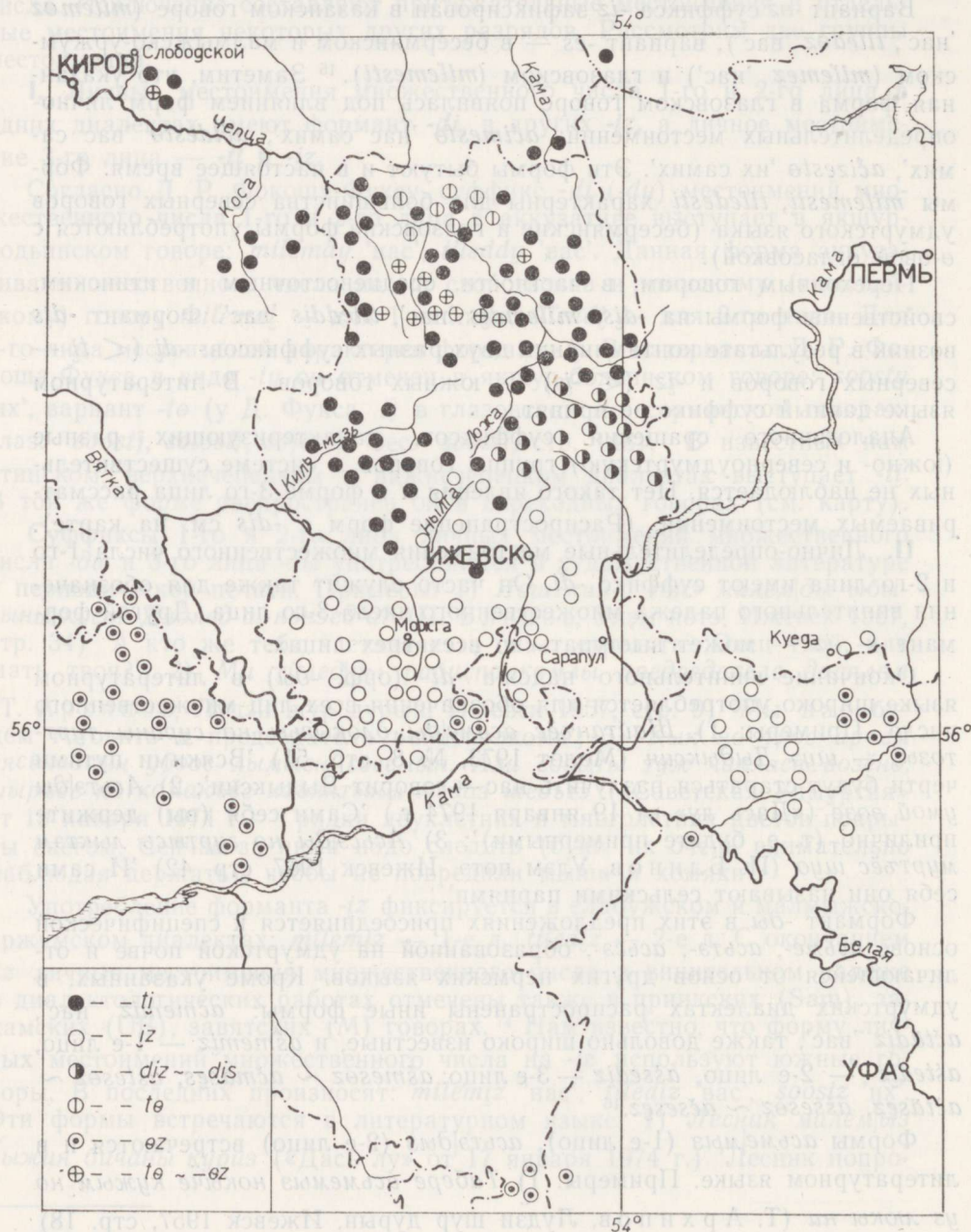
¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 150.

шуйськоды, мон со сыче ик председатель луо (С. Самсонов, Яратйсько тонэ... , Ижевск 1965, стр. 14) 'Вы сами себя каким инженером считаете, таким председателем стану я'.

Учебник удмуртского языка для 5-х и 6-х классов рекомендует формы винительного падежа в двух вариантах: *асьмеды* — *асьмемыз* (1-е лицо); *асьтэды* — *асьтэдыз* (2-е лицо); *асьсэды* — *асьсэдыз* (3-е лицо).¹⁷

Итак, использование *-d̥j* и *-iz̥* в аккумулятиве лично-определятельных

¹⁷ А. А. Поздеева, Удмурт кыл грамматика. Фонетика но морфология, Ижевск 1966, стр. 94; см. также: Удмурт кыл. Под редакцией Г. Н. Никольской, Ижевск 1975, стр. 107.

местоимений, как и личных местоимений, на территории разных удмуртских диалектов развивается по-разному и в системе местоимений суффиксы *-di* и *-iz*, усвоенные литературным языком из южных (*-ыз*) и северных (*-ты*) групп говоров, употребляются параллельно.

Мы остановились только на двух разрядах местоимений, наиболее экспрессивных. Суффиксы винительного падежа множественного числа *-ti* и *-iz* присоединяются также к форме местоимений:

а) указательных: *taos* 'эти' — *taosti*, *taosiz* 'этих', *soos* 'те' — *soosti*, *soosiz* 'тех', *kičeos* 'какие' — *kičeosti*, *kičeosiz* 'каких', *tačeos* 'такие' — *tačeosti*, *tačeosiz* 'таких';

б) вопросительно-относительных: *kinjos* 'кто' (мн. ч.) — *kinjosti*, *kinjosiz* 'кого' (мн. ч.), *maos* 'что' (мн. ч.) — *maosti*, *maosiz* 'чего' (мн. ч.);

в) обобщенно-определятельных (преимущественно с суффиксом *-esti*): *vañmi* 'все мы' — *vañmesti* 'всех вас', *vañdi* 'все вы' — *vañdesti* 'всех вас', *vañzi* 'все они' — *vañzesti* 'всех их';

г) взаимно-личных (тоже в основном с *-esti*): *og-ogmi* 'мы (друг друга)' — *ogmesti-ogmi*, *og-ogmesti* 'мы друг друга', *og-ogdi* 'вы (друг друга)' — *ogdesti-ogdi*, *og-ogdesti* 'вы друг друга', *og-ogzi* 'они (друг друга)' — *ogzesti-ogzi*, *og-ogzesti* 'они друг друга'. Форманты *-ti* и *-iz* примыкают также к неопределенным и отрицательным местоимениям множественного числа.

Географическое распространение формантов *-ti*, *-iz* и их вариантов из категорий местоимений совпадает с распространением окончания винительного падежа существительных. Употребление их в удмуртских диалектах является одним из различительных морфологических признаков принадлежности говора той или иной территории.

Предварительное знакомство с удмуртскими диалектами на основе изучения имеющихся в нашем распоряжении материалов — ответов на программу-вопросник¹⁸ — показало, что по употреблению разных формантов аккузатива множественного числа все удмуртские говоры делятся на два типа: *t*-овые и *s*-овые. Первые характерны для северных (чепецких) говоров, вторые — для южных.

¹⁸ Т. И. Тепляшина. Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах, Москва 1966.

Т. И. TEPLJASINA (Moskau)

DIE GEOGRAPHISCHE VERBREITUNG DER AKKUSATIVFORMANTIEN PLURALIS IN DEN UDMURTISCHEN DIALEKTEN

Die Markierung des Akkusativs Pluralis in der udmurtischen Sprache ging zwei Wege: in einigen Mundarten hat sich die *t*-(*d*)-Form behauptet, in den anderen aber die *z*-(*s*)-Form, die aus der finnisch-ugrischen Ursprache her stammt. In der Literatursprache gebraucht man gewöhnlich die beiden Formen parallel. Aber in den Fällen, wenn sie in ein und demselben Satz auftreten, wird das Streben sichtbar, diese Suffixe *-t* und *-s* in verschiedenen Funktionen zu gebrauchen. Das durch den Akkusativ ausgedrückte direkte Objekt wird in nominalen Wortverbindungen mit dem Suffix *-iz* gebildet, in verbalen aber mit *-ti*.

Ein solcher stilistischer Gebrauch der obengenannten Substantive im Plural führt allmählich zur Abgrenzung bei ihrem parallelen Gebrauch in ein und demselben Satz und nähert sich der grammatischen Differenzierung.

Der parallele Gebrauch der Formantien *-t* und *-s* ist auch den Personalpronomen und Bestimmungspersonalpronomen im Plural der ersten und zweiten Person eigen (*milemdi*, *milemiz* 'uns'; *tileddi*, *tilediz* 'euch'; *ašmedi*, *ašmemiz* 'uns', *aštedi*, *aštediz* 'euch') und auch einigen anderen Arten der Pronomen.

Der Gebrauch verschiedener Varianten der Akkusativformen ist eines der morphologischen Unterscheidungsmerkmale der Zugehörigkeit der Mundart zu dem einen oder anderen udмуртischen Gebiet.